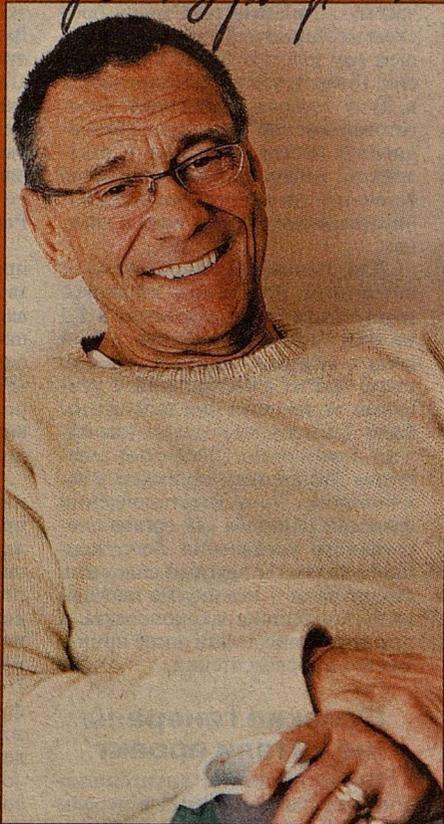

Кончаловский Андрей

15.05.04.

Большие уши Андрея Кончаловского

Рус. Курьер - 2004 - 15 мая - с. 7, 10.

ЕЛЕНА ДАЛГИНА

Андрей Кончаловский уже ставил «Чайку» – 16 лет назад в парижском «Одеоне». И репетиционный процесс, и свою недолгую связь с исполнительницей роли Заречной Жюльетт Бинош он описал затем в книге «Возвышающий обман». Возвышающий обман нынешней «Чайки» заключается в том, что Кончаловского, чем дальше, тем больше, неумолимо тянет к Чехову (впрочем, скорее всего, это и не обман), а низкая истина – в том, что образ Нины – «Я чайка... нет, не то... я актриса» – страстно мечтала воплотить молодая супруга Андрея Сергеевича Юлия Высоцкая (будем надеяться, истина окажется не такой уж низкой). Большинству зрителей Юлия знакома по картине «Дом дураков», после которой она, повинувшись странной логике, стала вести на телевидении кулинарное шоу «Едим дома». Театралы видели Высоцкую два года назад в антрепризном спектакле «Любовь – книга золотая», и это было плохо. Так плохо, что лучше забыть. Фактически Заречная – большой сценический дебют 30-летней актрисы, матери двух младших Кончаловских, Марии и Петра (в списке детей своего отца – шестой и седьмой номер, соответственно). Зато сам Кончаловский, если не в России, то за ее пределами, достаточно известен как режиссер драматического театра. Правда, это не мешает ему с трогательным упорством называть спектакль пьесой...

Окончание на стр. 10

Культура

Большие уши

Андрея Кончаловского

13

Окончание.
Начало на стр. 1

— Андрей Сергеевич, почему вы согласились еще раз взяться за «Чайку»?

— Что значит, согласился? Я готов ставить Чехова бесконечно, всю жизнь.

— Вы что-то заимствуете из спектакля шестнадцатилетней давности?

— Ну музыку Артемьева, например. Оформление будет близким к той «Чайке», кроме костюмов, которые делает для меня мой старый друг Рустам Хамдамов. Когда-то он выручил меня на «Дворянском гнезде», выручает и теперь.

— Но в принципе это будет совершенно другой спектакль?

— Конечно, другой, потому что я сам стал старше на шестнадцать лет.

— И ваш взгляд на «Чайку» изменился?

— Изменился мой взгляд на мир, а следовательно, и на «Чайку».

— В чем именно?

— Я объяснять не буду. Пускай критики объясняют, это их занятие. Знаете, Толстого однажды попросили: не могли бы вы, Лев Николаевич, в нескольких фразах сформулировать сюжет «Анны Карениной»?

Он сказал: если бы я мог сформулировать в нескольких фразах, я бы их и написал. А так читайте шестьсот страничек. Скажу только, что единственная моя задача сегодня, и я ощущаю ее значительно сильнее, чем в прошлый раз, — сделать так, чтобы Антон Павлович не рассердился. Чтобы ему не было обидно, что копаются в его гробу, а не в художественном наследии.

— А есть, на ваш взгляд, любители покопаться в гробу?

— Да, некрофилия процветает.

— В смысле някрофилия? Через «я»? Слышала, «Вишневый сад» вам крайне не понравился...

— Как хотите понимайте. Тут много всяких значений. Антон Павлович Чехов жив, он не умер. Его духовная жизнь будет продолжаться, пока существует русская литература и литература вообще. Фридрих Горенштейн не зря написал, что Толстой и Достоевский были донкихотами русской литературы, а Чехов — ее Гамлетом. Это ему принадлежит великая фраза писателя уже не XIX, а XX века: «Никто не знает настоящей правды». У него не было ответов, только вопросы.

И я не ишу ответы. Хорошо, если удастся поставить вопрос: о человеке, о его страстях, слабостях, глупостях, мечтах...

— Вы так любите человека?

— В первую очередь Антон Павлович любит человека. Грустит по нему, тоскует. Он любит людей, потому что они все умрут. Как подумаешь, что все мы смертны, так действительно: чего ругаться, толкаться, всем места хватит... Но это трудно понять так, с ходу, потому что сейчас все забивает маркетинг. Продажа себя, реклама себя. Главное слово сегодняшней жизни — «маркетинг».

— Вы столько работали на Западе, что вроде бы не должны удивляться...

— Запада не существует. Есть Америка, Франция, Германия... Но, если говорить о западном искусстве в целом, то оно закончилось. Или заканчивается. Потому что высокое смешали с низким. Раньше было высокое искусство, низкое искусство, поп-культура, элитарная культура. Теперь все смешали, порубили, заправили оливковым маслом и полили кетчупом. Пост-модернизм — это сознательное смешивание чуждых друг другу ингредиентов. Для меня то, что происходит в Латинской Америке, Китае, Индии или, скажем, в Уганде — сидит какой-то человек и что-то выпиливает каменным ножом, — для меня это в гораздо большей степени искусство, чем то, что предлагает западный рынок. Сейчас приехал в Москву на фотобиеннале итальянский фотограф, который делает рекламу для Тинькова, и признался, что его мечта — выпустить книгу, где на каждой странице были бы экскременты великих людей. Почему нет? Имеет право. И найдутся желающие это рассматривать, и ахать, и называть открытием. У людей стало много мозгов и мало чувства.

— Ваша «Чайка» не будет смешивать высокое с низким, вы не поклонник «салатных» жанров?

— Я — нет. Я не постмодернист, эта стадия давно мною пройдена. Я нормальный традиционный человек. Мне надо, чтобы люди смеялись и плакали, но не могли объяснить, почему им это нравится. Чтобы они вообще не заметили, как время пролетело. Можно сидеть три часа, зевать, укорякой поглядывать на часы, а когда зажгут свет, с умным видом сказать: да-а, гениаль-

В рамках фестиваля «Черешневый лес» на сцене Театра им. Моссовета дадут премьеру «Чайки»

но!.. Питер Брук еще двадцать лет назад написал: «Я не понимаю, почему шедевр обязательно должен быть приправлен порцией скуки».

— Актрису на роль Заречной предложили вы?

— А кто еще, кроме меня? Я ставлю спектакль, я всех актеров предлагал, не только ее.

— Трудно представить, чтобы Тригорин оказывал протекцию Заречной или принимал у нее роды. Как вы объясняете молодой и счастливой женщине, что чувствует женщина глубоко несчастная?

— Чтобы понять, не обязательно пережить. Есть масса женщин, которые много выстрадали, но ничего этого не могут показать на сцене. Художнику нужны талант, воображение и мастерство. А знание жизни не так принципиально. Струганские ведь вряд ли были на Солярисе... Юлия профессиональная театральная актриса. У нее очень хорошая актерская школа. Минская.

— Вы уже второй раз вместе работаете на драматической сцене...

— Почему второй? Первый.

— А «Любовь — книга золотая»?

— Там я просто помог молодой девушке-режиссеру выпустить спектакль. Моя задача была — найти деньги.

— Но на афише вы значились и как продюсер, и как худрук постановки. Странная, между прочим, должность...

— Ну, это так, номинально. Я бы никогда такое не поставил...

— Согласна. Хочется думать о вас лучше. Вам вообще нравятся сегодняшние молодые актеры?

— Дело не в том, нравятся ли они мне, а в том, что актеры перестали быть элитой общества. Раньше каждая девочка мечтала стать актрисой. Теперь каждая девочка мечтает попасть на «Фабрику звезд» и быстро, быстро сделаться знаменитой. Актеры сегодня — бедные люди. Футболистов знают лучше, чем актеров. И получают они намного больше.

— Чьи чеховские спектакли вам близки?

— Питера Брука — «Вишневый сад» и «Три сестры».

— А есть такая «Чайка» в мировом театре, которая произвела бы на вас сильное впечатление?

— Нет. Такой «Чайки» нет. Есть отдельные работы: удачный Тригорин, удачная Аркадина...

— Петер Штайн вместо задника в своей «Чайке» установил экран с видом на озеро. Вы не переносите в театр выразительные средства, принадлежащие кинематографу?

— Переносу иногда. У меня было движущееся небо в Маринке, в «Воине и мире». Все зависит от того, нужно или не нужно, работает или не работает. Для «Чайки», по-моему, не нужно. Вообще глупое занятие — искусство. Лучше банкиром быть. Или политиком. Мешать царям друг с другом воевать. Но люди ведь продолжают заниматься «глупостями», продолжают заниматься искусством. Почему? Потому что у каждого из нас свое представление о прекрасном. И мы хотим им поделиться, даже если нас не поймут и с нами не согласятся. Я видел постановку «Бала-маскарада» Верди, где король сидел на стульчаке со спущенными штанами и читал газету. Наверное, это остроумно. Наверное, многим понравилось. У меня другое представление о прекрасном. Каждый из нас пытается убедить зрителя в своей правоте.

— Вы не задумывались, случаем, о постановке других чеховских пьес?

— Всего Чехова хочу поставить обязательно.

— Именно в театре?

— Да.

— И именно в России?

— И в России тоже. «Дядю Ваню» я сейчас буду ставить в Париже и в Лондоне.

— Лет пять назад, сразу после вашего возвращения в Россию, вы называли мне следующие театральные планы: «На дне» в драматургических вариациях Нины Садур и рок-опера «Преступление и наказа-

ние» на музыку Эдуарда Артемьева...

— «Преступление и наказание», надеюсь, будет на следующий год. Партитура уже закончена. В Москве или в Питере, пока точно не знаю, но проект живой. Что касается Садур, замечательная пьеса получилась, но что-то пока не складывается. Хотя я надежды не теряю. Но больше всего мне сегодня хочется ставить Чехова. Четыре пьесы еще я бы поставил...

— А четвертая какая — «Иванов»?

— Да. Мне сейчас хочется иметь дело с классиками. С хорошими писателями, которых трудно ставить. А провалить легко.

— Вы считаете, легко провалить ту же «Чайку»?

— Запросто. Потому что это классика. А классику все уже ставили, и приходится искать новые формы. То ли действие происходит на помойке, то ли еще что... Сложно сделать так, чтобы волновало. Легко удивить, легко испугать. А взволновать — очень трудно. Чехов очень трудный писатель. Именно из-за бесконечного многообразия вариантов. Его можно поставить и так, и так, и так. Смотришь один гениальный спектакль, думаешь: только так и никак иначе! Смотришь другой — то же самое. Потом смотришь посредственный и думаешь: о-о, нет, совсем не так... По-моему, волнует — значит, современно. Не волнует — не современно.

— Вы не ищете новые формы, но, полагаю, ищете новый смысл?

— Да. Потому что форма не может волновать.

— Как это?

— Не может. Форма волнует в балете, в живописи, но в театре форма не есть содержание. В театре содержание — это жизнь человеческого духа.

— Но мы же говорили о постмодернизме. Там форма и есть содержание.

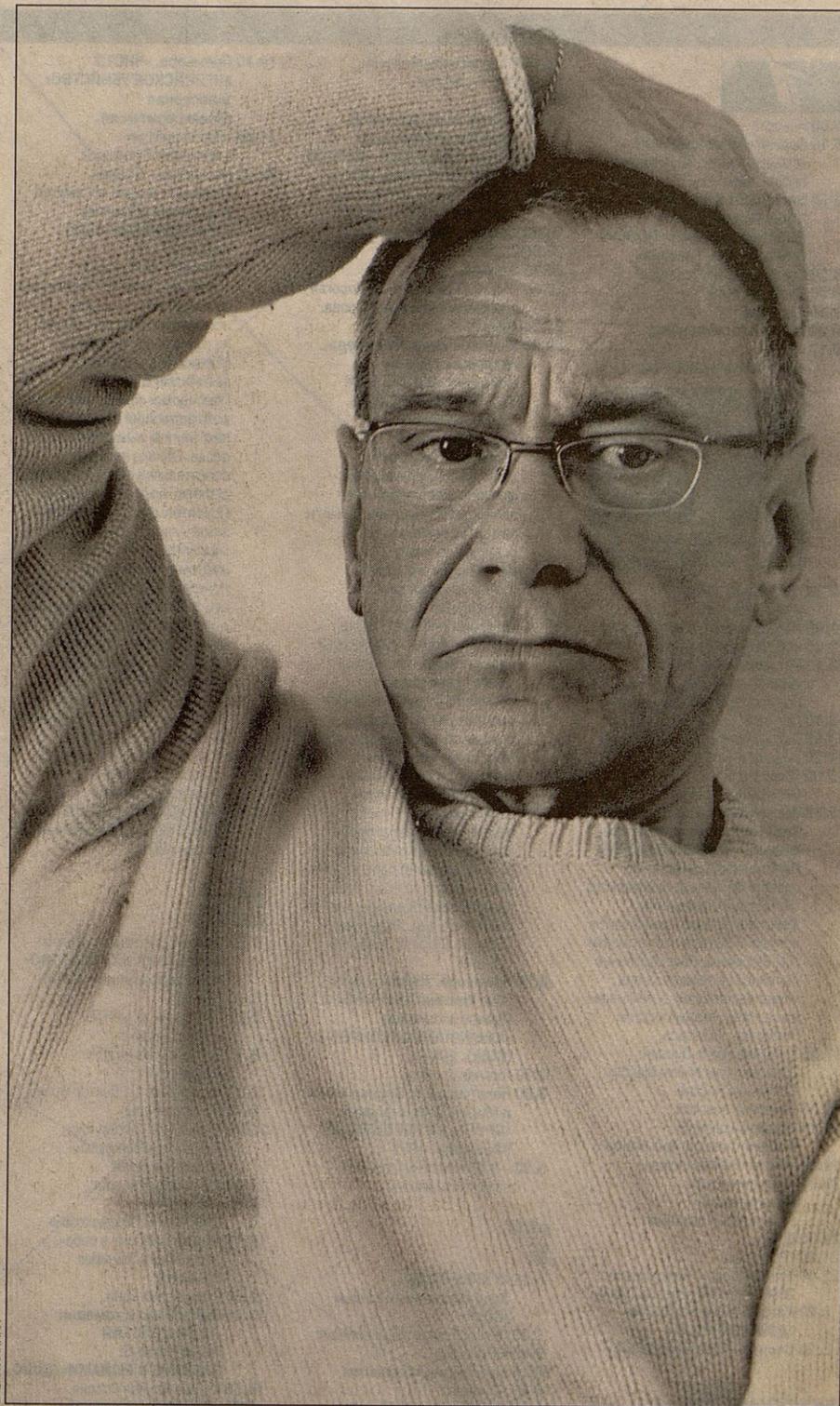
— Поэтому постмодернисты никого не волнуют. Это онизм.

— За всех не говорите. Меня волнуют и даже очень.

— Как могут волновать чисто умозрительные вещи?

— Извините, но мне то и дело бывает скучно на правильных, традиционных спектаклях.

— Это означает только, что жизнь человеческого духа там не удалась. Придите на мою пьесу, посмотрим, будет ли вам скучно. Музыка чувства — она не в форме. На мой

ЕЛЕНА ДАЛЫНА

взгляд, режиссер — лицо, подчиненное автору. Самые крупные режиссеры никогда не переделывали авторов, они только пытались их раскрыть. Когда вы смотрите фильм или спектакль действительно большого режиссера, вы же не думаете, как он это сделал. Вы думаете: черт, почему у меня слезы текут? Тут секретов особенных нет, надо просто слышать музыку. А для этого нужны большие уши.

— Как у вас.

— Хотя бы.

— Вы знакомы с новым поколением московской театральной

режиссуры? Смотрите их спектакли?

— Можно сказать, ничего не видел. То есть кое-что видел, но ни разу не досидел до конца. Уходил в антракте. Иногда хочется уйти через десять минут после начала, просто неудобно. Но в следующий раз, вероятно, так и поступлю.

— А если и они уйдут с вашей «Чайки» на одиннадцатой минуте?

— Ради бога. Это их право. Вообще всем найдется место — и старым, и новым, и в крапинку, и полосатым...

— Вы так настойчиво цитируете Тригорина. Вам лично он

ближе, чем Треллев? Или все треллевы с годами становятся тригоринными?

— Если бы Треллев стал Тригоринным, он бы не застрелился.

— Может, он просто не успел окончательно повзрослеть?

— Может быть, но мы этого никогда не узнаем. Он все-таки застрелился. Наверное, из-за того, что слишком усердно искал новые формы... Я не умею объяснять себя, как не умею объяснить жизнь. Иногда я Тригорин, иногда Треллев. А чаще всего Шамраев...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ